

Joanna Darda-Gramatyka

Uniwersytet Śląski

К ВОПРОСУ О ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ЛОКАТИВНЫМ СУБЪЕКТОМ

Мы живём и воспринимаем мир во времени и пространстве. «Место — это наряду со временем, одна из двух основных форм существования материи: любая субстанция занимает определённое место в окружающем её пространстве и одновременно сама является таким пространством для более мелких субстанций»¹.

Действительность описываем часто при помощи предложений с локативным субъектом. Такие предложения широко представлены в произведениях современной русской художественной литературы. Мы решили посвятить нашу статью просмотру именно таких конструкций на материале русских текстов репродуктивного регистра речи (рассказов). Анализируя предложения с локативным субъектом, мы пользовались достижениями современной лингвистики, прежде всего главными идеями Галины Александровны Золотовой².

Основным средством выражения пространственных отношений в русском языке являются локативные наречия, но также эллипсис и локативные синтаксемы. Как отмечает Галина Дручинина, «в традиционной грамматике

---

¹ Г. П. Дручинина: *Предложения с локативным субъектом*. В кн.: *Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста*. Ред. Н. К. Онипенко. Москва 2002, с. 152.

² Главные идеи Г. А. Золотовой, к которым обращаемся, описывая предложения с локативным субъектом: 1) идея принципиальной двусоставности предложения как коммуникативной единицы языка; 2) идея изосемичности — неизосемичности; 3) идея синтаксического поля предложения, которая «собирает» вокруг одного типового значения и его изосемического представления все структурно-семантические модификации, синонимические варианты и неполные контекстуальные реализации, соединяет их в одном синтаксическом описании. См. больше, напр.: Г. А. Золотова: *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. Москва 1973; Г. А. Золотова: *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва: 1982; Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова: *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва 1998; Н. К. Онипенко: *Г. А. Золотова в современной лингвистической науке*. В кн.: *Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста*. Ред. Н. К. Онипенко. Москва 2002, с. 8–13.

долгое время им [т.е. локативным синтаксемам — прим. J. D.-G.] отводилась только одна роль — роль обстоятельств места, т.е. второстепенных членов»³. Однако, локативы могут выполнять в предложениях также функцию субъекта. Тогда они называют место, охарактеризованное каким-нибудь признаком.

Следует отметить, что в традиционной грамматике предложения типа:

1. Во всех комнатах — в лакейской, в зале, в гостиной — прохладно и сумрачно (И. Бунин),

2. Всюду сильно пахнет яблоками, тут — особенно (И. Бунин),

3. В полутёмном, тёплом доме мёртвая тишина (И. Бунин),

4. И на дворе вдруг стало тихо (А. Чехов),

5. В передней был сумрак (И. Бунин),

6. [...] над костром, перевитый дымом, сверкая, дрожал воздух (А. Грин), определялись как односоставные безличные «лишённые грамматического подлежащего»⁴ (1, 2, 4), односоставные номинативные (3) или двусоставные (5, 6). В случае отнесения их к односоставным их главным членом считался безличный глагол (напр. темнеет, светает) или безлично-предикативное слово (На улице темно; Здесь тепло и сухо).

По мнению Веры Кирилловой «Безличные односоставные предложения выделяются среди односоставных характером главного члена (сказуемого), при котором “невозможно присутствие подлежащего”, “они не имеют позиции подлежащего и здесь она не предполагается”»⁵.

Маргарет Гиро-Вебер называет высказывания типа: «На площади пусто» безличными, но двусоставными, в которых «синтаксическим подлежащим бывают названия мест, чаще всего в предложном падеже имени»⁶.

Также Галина Золотова считает, что так называемые безличные предложения не являются односоставными, так как они «приписывают названное предикативное состояние носителю — среде, пространству, месту, окружающему говорящего...»⁷.

Алексей Шахматов говорит, что «любое предложение в основе своей двучленно, так как выражает субъект и предикат психологической коммуникации (так односоставное “Светает” выражает представление и о самом признаке,

³ Г. П. Дручинина: *Предложения с локативным субъектом...*, с. 152.

⁴ М. Гиро-Вебер: *К вопросу о классификации простого предложения в современном русском языке*. „Вопросы языкознания” 1979, № 6, с. 64.

⁵ В. А. Кириллова: *О „конструктивных” элементах безличных предложений (типа снегом занесет — занесло дорогу)*. В кн.: *Исследования по современному русскому языку. Сборник статей, посвященный памяти проф. Е. М. Галкиной-Федорук*. Ред. Т. П. Ломтев, А. А. Камынина. Москва 1970, с. 90–91.

⁶ М. Гиро-Вебер: *К вопросу о классификации простого предложения...*, с. 72.

⁷ Г. А. Золотова: *Об основаниях классификации предложений*. „Русский язык за рубежом” 1989, №, с. 67

и о его наличии)»⁸. Надо здесь обратить внимание на то, что по Золотовой предикат пресуппонирует существование субъекта, который является носителем данного признака. Шахматов зато больше подчёркивает существование черты, названной предикатом.

Диана Вечорек конструкции с подлежащим в косвенном падеже называет «несогласованными асимметричными предложениями»⁹. Среди них есть также локативная модель, которую, как и другие, Вечорек относит к двучленным предложениям: «[...] подлежащее может быть именем в любом косвенном падеже, которое, предикативно сочетаясь со сказуемым, создаёт отмеченное предложение. [...] Из подобных рассуждений вытекает, что есть основания считать несогласованные асимметричные предложения двусоставными»¹⁰.

Нам кажется, что трудно не согласиться с Золотовой, Вечорек, Гиро-Вебер и другими, которые предложения типа «На дворе холодно» относят к двусоставным. Так будем к ним относиться в ходе анализа.

Предложения типа:

На станции было темно и печально (И. Бунин)

принадлежат к модели 'локативный субъект и его состояние', минимальная структура которой состоит из двух элементов: локального члена («на станции») и предиката («было темно и печально»). Предикат «темно» обозначает признак, носителем которого является место. Второй глагол «грустно» описывает состояние перцептора в этом месте. Значение передаётся здесь непосредственно, изосемично. Однако, как мы обнаружили в ходе анализа материала, эта модель не всегда выступает в «чистом» виде. Встречаются также её модификации, среди которых самой большей частотностью отличается фазовая модификация со словами «стало» и «становится»:

На перроне стало тесно (Л. Кассиль).

Они [облака — прим. J. D.-G.] бежали низко и быстро — и скоро, точно дым, затуманивали солнце. Погасал его блеск, закрывалось окошечко в голубое небо, а **в саду становилось пустынно и скучно**, и снова начинал сеять дождь... (И. Бунин).

Предложения со значением 'локативный субъект и его состояние' выступили в текстах репродуктивного типа также в неизосемическом варианте, для которого характерно «смещение, нарушение равновесия семантических, морфологических и синтаксических признаков», а также «согласно закону грамматической компенсации, появление избыточности в средствах»¹¹. Особого внимания заслуживают — входящее в состав этой группы — предложения с

⁸ П. А. Лекант: *Синтаксис простого предложения в современном русском языке*. Москва 1974, с. 12.

⁹ Д. Вечорек: *Несогласованные асимметричные русские предложения в сопоставлении с польскими*. Wrocław 1982, с. 117.

¹⁰ Там же, с. 120.

¹¹ Г. А. Золотова: *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва: 1982, с. 128.

глаголом «запах», которые описываются нами в другой статье¹². Пжемысл Адамец замечает, что «у предложений с предикатом *пахнуть*, содержащих обстоятельство места, возможна [...] такая трансформация, при которой подлежащим активного предложения становится обозначение места, например: *В комнате пахло его табаком — Комната пахла его табаком*»¹³.

Однако, стоит подчеркнуть, что модель с типичным значением ‘локативный субъект и его состояние’ не является единственной моделью предложений с локативным субъектом. В анализируемом материале мы выделили также другие модели¹⁴:

— предложения с типичным значением ‘место и его характеристика по наличию/отсутствию предмета’ (типа: «На берегу дом»):

На берегу, там, далеко, сидит волшебник... (А. Грин).

У окна сидел угольщик, обладатель пьяных усов, уже замеченных нами [...] (А. Грин).

В палате было четверо больных. (Л. Тостой).

Характерной чертой этих предложений является, как отмечает Дручинина, что «В отличие от предложений с типовым значением ‘Локативный субъект и его состояние’, они не имеют фазисных модификаций, так как оба компонента — конкретные имена [...]»¹⁵.

Особое значение субъект получает в тех предложениях, в которых локативная синтаксема связывается с акциональным глаголом (типа: «В домах в это время уже зажигали светильники»):

В большом доме напротив, у инженера Должикова, играли на рояле. (А. Чехов).

В одних домах уже спали, **в других** играли в карты [...] (А. Чехов).

Акциональный предикат «предполагает деятеля, агенса, поэтому локативная синтаксема здесь обозначает не столько место, сколько лицо, которое находится в этом месте, причем сам агент не называется»¹⁶:

В караулке [...] утром пекли ситники (И. Бунин).

Типичное значение этих предложений это ‘локализованный агентивный субъект и его действие’.

В анализируемых нами текстах репродуктивного регистра речи заметить можно ещё один способ выражать состояние среды:

У куста, спиной к забору, прожевывая пирог, сидел молодой нищий (А. Грин).

¹² См.: J. Darda: *Zdania z czasownikami „zapachowymi” w rosyjskich i polskich tekstach narracyjnych*. W: *Leksyka i gramatyka w tekście*. Red. M. Borek, H. Fontański. Katowice 2005, s. 36–44.

¹³ П. Адамец: *Образование предложений из пропозиций в современном русском языке*. Прага 1978, с. 70.

¹⁴ Названия моделей я применяю за: Г. П. Дручинина: *Предложения с локативным субъектом*...

¹⁵ Г. П. Дручинина: *Предложения с локативным субъектом*..., с. 154.

¹⁶ Там же, с. 155.

Согласно принципам традиционной грамматики *нищий* — это подлежащее, *сидел* — сказуемое, *у куста* — обстоятельство места. Однако, хотя в этом предложении выступает личный глагол, из него не получаем информации о том, что в данный момент делает нищий, но о состоянии конкретного места — пространства под кустом. Употребление в виде предиката синтагмы, которая состоит из глагола и конкретного существительного в именительном падеже «усложняет структуру предложения, так как обозначает ситуацию, выраженную предложением с обратным порядком слов»¹⁷. Этот обратный порядок в «сидел нищий» как раз показывает, что это не самостоятельное предложение, но конструкция, предназначенная для обозначения состояния. Дручинина определяет такие конструкции термином ГИК, т.е. глагольно-именная конструкция¹⁸. Похожая ситуация выступает в предложениях:

[...] между буфетом и внутренней дверью зала, за яичницей и пивом, помещались два рыбака (А. Грин).

За ореховой рамой, в светлой пустоте отраженной комнаты стояла маленькая невысокая девушка, одетая в дешевый белый муслин с розовыми цветочками (А. Грин).

Надо подчеркнуть, что «семантика этой модели как бы соединяет в себе типовые значения ‘Локативный субъект и его характеристика по наличию предметов’ и ‘Локативный субъект и его состояние’»¹⁹. Если в предложении «У куста, спиной к забору, прожевывая пирог, сидел молодой нищий» изменить порядок слов на: «У куста, спиной к забору, прожевывая пирог, молодой нищий сидел», изменится также его типовое значение на: ‘Личный субъект и его действие’.

Как видно, изменение порядка слов в «локус»-предложениях «сигнализирует изменение не только роли локативной синтаксемы, но также типового значения и его текстовых функций»²⁰.

Анализ текстов репродуктивного регистра речи, из которых взят языковой материал, даёт возможность сделать вывод, что локативные синтаксемы выступают в позиции субъекта не только в предложениях с типичным значением ‘Локативный субъект и его состояние’, но также ‘Локативный субъект и его характеристика по наличию/отсутствию предмета’ и ‘Локализованный агентивный субъект и его действие’. Тем, что указывает на их типичное значе-

¹⁷ Г. А. Золотова: *Коммуникативные аспекты...*, с. 214.

¹⁸ «ГИК — это конструкция, по составу аналогичная номинативно-глагольному предложению, но отличающаяся тем, что она: является предикатом в предложениях усложненной структуры; нормой в ней является препозиция глагола и постпозиция имени; не имеет законченного интонационного оформления; в условиях данной модели не выражает законченного сообщения: ее содержание может быть обобщено предикативным наречием [...]. Цит. по: Г. П. Дручинина: *Предложения с локативным субъектом...*, с. 156.

¹⁹ Г. П. Дручинина: *Предложения с локативным субъектом...*, с. 157.

²⁰ Там же, с. 157.

ние, является порядок слов: на первом месте субъект, на втором — предикат. Изменение порядка слов может сигнализировать о том, что предложение принадлежит другой модели.

Joanna Darda-Gramatyka

O ZDANIACH Z SUBIEKTEM LOKATYWNYM

Streszczenie

Artykuł jest próbą przedstawienia konstrukcji, w których człon lokatywny wypełnia rolę subiekta, nazywając miejsce, któremu przypisuje się jakąś cechę. Materiał językowy pochodzi z rosyjskich tekstów należących do reprodukcyjnego rejestru mowy (opowiadania). Analiza została przeprowadzona w oparciu o główne idee koncepcji gramatyki funkcjonalno-komunikacyjnej Galiny Zołotowej.

Joanna Darda-Gramatyka

SENTENCES WITH A LOCATIVE SUBJECT

Summary

The article is an attempt to present the structures in which the locative element plays the role of the subject, naming the place which a certain feature is attributed to. The lexical material comes from Russian texts belonging to the reproductive register of the speech (the narrative). The analysis was based on the main ideas of Galina Zolotova's functional grammar concept.